

Если раньше эти десять му плодородной земли существовали для них только как строки на бумаге, то теперь, когда они стояли прямо на ней, ощущения были совсем другими.

Управляющий из семьи Цянь, получив медные монеты, быстро откланялся: земля теперь принадлежала не Цяням, и ему было велено больше не тревожить новых хозяев.

Когда посторонние ушли, Вэнь Ецай не стал медлить: с радостью повёл Юй Шанчжи обойти все десять му по кругу.

Один му земли в это время был меньше современного, примерно пять соток, но и десять му в общей сложности давали более пяти тысяч квадратных метров.

Они прошли изрядное расстояние, но усталости совсем не ощущали.

— Теперь, когда у нас есть эти десять му хорошей земли, наши прежние три му и в расчёт не идут, — сказал Вэнь Ецай с лёгкой улыбкой. — В год с них можно было снять чуть больше одного ши зерна, и то если с погодой повезло да за полями ухаживали как положено, без единой ошибки. А теперь хорошо: пшеницу соберём, и уже не нужно будет думать, сеять ли потом сою или кукурузу, можно сразу и то и другое посадить. А ещё я думаю, выделить отсюда два му под лекарственные травы для тебя. Как тебе такое?

Юй Шанчжи, слушая размышления Вэнь Ецай, задумался и спокойно ответил:

— Бобы укрепляют почву, так что лучше оставить для них нашу прежнюю сухую землю. Пусть будет сырьё для мыльных бобов именно с тех участков. А для лекарственных трав пока возьмём только один му. Сначала попробую посеять, если что-то пойдёт не так, не только лекарственные растения пропадут, но и урожай зерна можно упустить. Это было бы плохо.

— Пусть будет по-твоему, — согласился Вэнь Ецай, полностью доверяя Юй Шанчжи в вопросах лекарственных трав. Но вот про бобы для укрепления почвы он слышал впервые.

— Разве бобы ещё и для этого? Хотя я как-то слышал от стариков в деревне, что бобы «кормят землю», но почему именно, никто толком не объяснял.

Юй Шанчжи, конечно, понимал причину и попытался объяснить её простыми словами, но некоторые понятия из его времени просто невозможно было перевести на местный язык.

Вэнь Ецай почесал затылок:

— Всё равно не до конца понял, почему, но раз бобы полезны, значит, хорошо.

Юй Шанчжи с лёгкой улыбкой подтвердил:

— Так и есть. Раньше я даже слышал, что кое-где чередуют посадку: после риса осушают поля и сеют бобы, чтобы дать земле отдохнуть.

Вэнь Ецай, услышав такое, даже загорелся интересом, видно было, что ему уже хочется попробовать новый способ.

— Теперь, когда у нас земли хватает, — с улыбкой сказал Вэнь Ецай, — можно будет попробовать и на нашей старой земле под рис тоже посеять что-нибудь другое. Вдруг получится.

Именно за это Юй Шанчжи особенно ценил Вэнь Ецай: он был не похож на многих людей того времени, которые цеплялись за привычное и боялись пробовать новое. Вэнь Ецай куда легче воспринимал перемены и был готов к экспериментам.

Но если подумать, оно и понятно: Вэнь Ецай сам по себе уже выбивался из привычных рамок. В этом мире, где уклад был строгим, он ведь не стал слепо следовать общепринятому — будь он другим, давно бы уже вышел замуж за какого-нибудь мужчину, привязав свою судьбу к человеку, которого и знать не знал.

К сожалению, сам Юй Шанчжи в земледелии понимал не так уж много. Всё, что он сейчас мог припомнить и рассказать, держалось на том, что в прошлой жизни много читал и интересовался разными вещами. Иногда у него даже мелькала мысль: если бы знал больше, может, смог бы даже нарисовать чертежи каких-нибудь полезных сельскохозяйственных орудий или взяться за выведение новых сортов растений.

Но уж слишком всё это далеко от его нынешнего ремесла. Лучше честно заниматься тем, в чём разбирается.

Потом они вместе с Вэнь Ецаем обсудили, что на этих десяти му новых земель на заливных полях всё же стоит посеять рис. Хотя для посева уже было немного поздно, по климату ещё вполне подходящее время. Всё равно лучше, чем оставлять землю пустой без дела.

Именно поэтому Юй Шанчжи предложил ещё одну идею: прямо в рисовых полях заняться разведением 田魚 — рисовых рыб.

(ПП: Название 田魚 буквально переводится как «рыба цветков риса» или «рисово-цветочная рыба». Это отражает способ выращивания: рыба растёт в одном водоёме с рисом, питаясь вредителями и сорняками, одновременно удобряя почву. Культурно и кулинарно рисовая рыба ценится за то, что по вкусу отличается от речной рыбы: мясо более нежное, без сильного запаха тины, поскольку вода в рисовых полях чище и менее заиленная.)

В будущем такая практика была уже давно распространена, но, похоже, в это время, по крайней мере в деревнях уезда Лянси, она ещё не стала привычной.

Эта мысль пришла Юй Шанчжи в голову потому, что он помнил, как Вэнь Ецай упоминал: в городе есть те, кто особенно любит рисовых рыб, говоря, что у них вкус совсем другой, не такой, как у речной рыбы. Если заняться этим всерьёз, даже как побочным делом, не только получится разводить рыбу в большом количестве, но и можно будет точнее контролировать, в какой момент лучше всего её ловить и продавать.

Вэнь Ецай, слушая, загорелся так, что чуть ли не сжимал кулаки от нетерпения, уже представляя, как они с этими десятью му земли смогут развернуть целое дело.

Но к вечеру, когда в доме уже погасили свет, Юй Шанчжи начал жалеть, что днём так увлёкся идеями. Потому что этой ночью с его молодым супругом было явно не то, что обычно. Обычно, когда Юй Шанчжи целовал его до полусознательного состояния, Вэнь Ецай давно бы уже перестал соображать, что происходит. Но сегодня, видно было, мысли у него всё ещё крутились в голове: стоило Юй Шанчжи начать снимать с него одежду, как вдруг раздалось неожиданное:

— Муж, скажи, а если мы будем разводить рыбу в рисовых полях, где нам взять мальков?

Юй Шанчжи едва не задохнулся от неожиданности, и тут же все мысли о спокойствии и неторопливости улетучились. Без лишних церемоний, в три движения, он справился с одеждой Вэнь Ецай, словно снимая шелуху с луковицы, не давая тому даже опомниться.

— Эй! Подожди! — только и успел вымолвить Вэнь Ецай, но в следующий момент почувствовал, как тяжесть тела Юй Шанчжи навалилась сверху, а дальше уже всё пошло своим чередом, не оставляя ему выбора.

Очень скоро все мысли о рисовых полях, о рыбе и бобах напрочь вылетели из головы. Под натиском Юй Шанчжи, совсем не похожим на прежний, Вэнь Ецай только и мог, что сдаться без сопротивления. В какой-то момент ему даже показалось, будто его подняло на гребень волны, где не за что зацепиться, и в отчаянной попытке найти опору он вцепился в спину Юй Шанчжи обеими руками.

Только с рассветом следующего дня Вэнь Ецай заметил, что в пылу страсти он оставил на спине мужа две длинные полосы с засохшей кровью, вокруг которых кожа даже припухла. С искренним чувством вины он сам взялся за лекарство, чтобы аккуратно обработать царапины на спине Юй Шанчжи. Хотя изначально он ещё собирался немного попенять на то, как вчерашним вечером его то поднимали, то переворачивали, теперь, осознав, что удовольствие всё-таки досталось им обоим, а шрамы остались у другого, Вэнь Ецай лишь молча занялся делом, не говоря больше ни слова упрёка.

— Ещё болит? — тихо спросил Вэнь Ецай, убрав коробочку с мазью и чуть наклонившись, чтобы осторожно подуть на ссадины.

Прохладный воздух коснулся ран, и Юй Шанчжи ощутил, как внизу живота снова всё сжалось. Он невольно вздохнул: всё-таки, если однажды вкусил подобных радостей, остановиться уже сложно. И сам от себя раньше не ожидал, что когда-то будет так привязан к этим вещам.

Чтобы в середине дня снова не поддаться соблазну, Юй Шанчжи поспешно надел верхнюю одежду:

— Пустяки, не страшно, просто царапины.

Вэнь Ецай про себя подумал, что какие же это «пустяки»: по длине с палец точно, если не больше. Он опустил голову, внимательно посмотрел на свои ногти и твёрдо решил впредь всегда их аккуратно подстригать и подпиливать.

Новость о том, что у семьи Вэнь теперь десять му новой земли, быстро разошлась по деревне и стала главной темой разговоров за любым обедом и ужином.

Поскольку в эти дни Вэнь Ецай то и дело закупал семена у соседей, заказывал у кузнеца в городе новые сельскохозяйственные орудия, да ещё и, как поговаривали, собирался нанимать людей для помощи в поле, утаить факт с новыми землями уже было невозможно. Даже те, кто приходил к Юй Шанчжи за лечением, не могли удержаться и спрашивали.

Юй Шанчжи убрал руку после того, как проверил пульс у старика, что пришёл на приём, и спокойно сказал:

— Просто воспаление дёсен. У меня есть пилюли для снятия жара и воспаления, примите несколько, должно помочь.

Увидев, что у старика появилось сомнение и неудовольствие, Юй Шанчжи понял: тому не хотелось тратить деньги. Он тут же сменил тон:

— Дома у вас есть цветы перца?

— Есть, — сразу кивнул старик. — У нас за двором растёт несколько кустов дикого перца.

— Тогда так, — продолжил Юй Шанчжи. — Заварите перец в воде и полощите этим рот, подержите во рту подольше, а потом выплюньте. В эти дни мясо лучше не есть, побольше овощей и воды, а в будущем старайтесь полоскать рот солёной водой и чистить зубы ивовой веточкой. У вас уже несколько зубов выпало, если так пойдёт и дальше, потом даже еду будет не прожевать.

В это время о здоровье полости рта мало кто думал, и нередким было, что люди уже к тридцати-сорока годам теряли большую часть зубов. На самом деле такие вещи, как веточки ивы или крупная соль, в деревне вроде Селю, где люди жили не так уж и плохо, могли себе позволить почти в каждой семье. Просто мало кто задумывался о том, насколько это важно для здоровья.

Закончив давать советы, Юй Шанчжи уже собирался проводить старика, но тут как раз

подоспел разговор о земле - жена старика пыталась расспросить, как у них так вышло, что земли сразу столько стало. Заодно у порога уже ждали приёма ещё две-три семьи, так что Юй Шанчжи решил сказать вслух всем сразу, чтобы потом меньше ходили с расспросами.

Объяснения, конечно, были заранее обговорены с Вэнь Ецаем, чтобы не упоминать имени семьи Цянь.

— В доме у нас теперь четверо, — спокойно говорил он, — а прежних трех му земли разве хватит, чтобы прокормить четыре рта? Сейчас на руках появилось немного серебра, да и случай подвернулся: познакомился с человеком, который распродал землю. Вот мы и решились, взяли десять му, хоть и было страшновато, такой шанс не каждый день встречается. Теперь хоть за зерно не переживаем, а когда Эрню подрастёт и выйдет замуж, в доме будут смотреть на неё с уважением.

Что это за «случай» и что за человек, с которым они познакомились, те, кто был поумнее, даже не спрашивали. Про прежнего хозяина тех десяти му многие в деревне и так знали: это была семья, что когда-то разбогатела на торговле и давно переехала в уездный город. Землёй здесь занимались их дальние родственники. А теперь, видимо, срочно понадобились деньги, вот и продали участок.

Юй Шанчжи ведь был доктором: часто ходил в соседние деревни лечить людей, мало ли с кем за это время мог познакомиться и завязать нужные связи. Это уже его умение, и пусть кто-то в деревне и завидовал, но поделаться с этим всё равно ничего было нельзя. Всё-таки не каждый мог бросить мотыгу, взять подушечку для пульсовой диагностики и тоже стать знахарем.

Однако когда слухи дошли до Чан Цзиньянь, она в сердцах так разозлилась, что прямо на месте расколола об пол ещё одну чашку. В это время Ван Байчуань, находившийся во дворе, услышав грохот, сразу же зашагал в дом тяжёлыми шагами, как бык на бойне, и, вытаращив глаза, рывкнул:

— Это уже третья чашка за этот месяц! Ты что, совсем руками разучилась пользоваться? Или жить уже не хочешь? Так прямо и скажи!

Чан Цзиньянь так дрожала от злости, что пальцы у неё побелели. Сколько лет прошло с тех пор, как она вышла замуж в этот дом: родила Ван Байчуаню двух здоровенных сыновей, да ещё младшего сына-гера, красивого, статного. Даже свекровь при жизни относилась к ней уважительно, а чтобы муж когда-нибудь на неё так накричал - такое впервые!

С тех пор как с Ван Сяюем случилась беда, весь дом словно перевернулся с ног на голову.

— Ты ещё смеешь мне упрекать! — взревела Чан Цзиньянь, едва сдерживая слёзы. — Это ведь твой родной сын сейчас в таком положении, ты скажи прямо: ты собираешься о нём заботиться или нет?

Ван Байчуань едва сдержался, чтобы не вклеить жене пощёчину. В последнее время, по его мнению, Чан Цзиньянь окончательно слетела с катушек.

— Всё из-за того, что ты его разбаловала до такого! Я ведь сколько раз говорил: пусть бы нашёл себе в деревне нормального, простого мужика-земледельца. Сколько хороших семей присылали сватов, а ты всех гнала прочь! Всё тебе подавай - чтобы из деревни Шуймо, чтобы ученый был. Ну вот, теперь довольна?! Скажу тебе прямо: только потому, что он мой родной сын, я его ещё терплю. А если бы не это, за такое, что он натворил, давно уже стоило бы его в бамбуковую клетку посадить и в реке утопить!

При словах «в бамбуковую клетку» Чан Цзиньянь будто ноги подкосились: она стояла, как громом поражённая, потом мягко осела прямо на пол, закрыла лицо руками и зарыдала.

Ван Байчуань закрыл глаза, тяжело вздохнул и, глядя в сторону, глухо произнёс:

— Я тебя спрашиваю одно: люди из семьи Тан... они вообще собираются теперь жениться на Сяюе или нет?

Чан Цзиньянь резко подняла голову, глаза у неё покраснели от слёз:

— После того, что Тан Вэнь сделал с Юэем, ты ещё хочешь, чтобы наш сын за него замуж шёл?!

Ван Байчуань с силой топнул ногой:

— Ты совсем с ума сошла! Сейчас, если Юй-эр не выйдет за Тан Вэня, кому он ещё нужен будет?! Скажи мне: кто его теперь возьмёт? Если Тан Вэнь откажется, для Юй-эра всё кончено! Пока мы с тобой живы, ещё есть кому за него заступиться. А если нас не станет?..

Он бросил взгляд вглубь дома. Хорошо хоть, что сегодня их старшие сыновья с жёнами ушли работать в поле, и в доме были только они вдвоём.

— Когда мы с тобой под землю ляжем, старшие разделят имущество, ты думаешь, кто-то захочет держать рядом с собой такого брата?

Чан Цзиньянь будто опомнилась от этих слов. Да, как бы она сейчас ни злилась, ни обижалась, всё равно не хотела доводить родного сына до полного краха.

Но если их с Ван Байчуанем не станет?

А семья Тан после того, что они сделали с её сыном, теперь просто делает вид, будто ничего не произошло. Не потому ли они и медлят, что уверены: семья Ван всё стерпит, всё проглотит, ни

слова не скажет?

На губах Чан Цзиньлянь появилась холодная, злая улыбка. Если всё обстоит именно так, тогда она, уж будьте уверены, не позволит Тан Вэню получить то, чего он хочет.

Теперь Чан Цзиньлянь и не надеялась, что этот Тан Вэнь когда-нибудь станет большим учёным или займёт чиновничью должность. Главное было другое: пока он жив, он обязан жениться на их Юй-эре и дать ему законный статус супруга в доме!

Решив так, она больше не стала медлить. Никто и не знал, что она переворачивала в голове всю ночь, лежа без сна, но уже на следующий день Чан Цзиньлянь надела свою самую лучшую одежду. Аккуратно причёсанная и собранная, с узелком в руках, она прихватила с собой нарядно одетого Ван Байчуаня и двух их крепких сыновей, и все вместе они с решительным видом отправились в деревню Шуймо.

Что же до семьи Вэнь, они о делах семьи Ван ничего не знали, потому что у них самих в эти дни была куда более серьёзная забота: заболел Вэнь-санъя. На этот раз болезнь оказалась самой тяжёлой с тех пор, как Юй Шанчжи оказался в этом доме. У мальчика снова обострилось старое заболевание - астма с сильным кашлем и одышкой. Ночью он даже не мог лежать, потому что от этого начинался приступ.

Всё началось с того, что из-за недавних ливней Вэнь-санъя немного простудился, но поначалу это казалось обычной простудой, которая под присмотром Юй Шанчжи быстро бы прошла. Кто бы мог подумать, что однажды Юй Шанчжи, зайдя в комнату, застанет Вэнь-санъя с книгой, прячущегося под одеялом, читающего тайком при слабом свете?

Это была та самая книга, что Юй Шанчжи в прошлый раз купил в городе, изданная учёными Циньцинъюнской академии, теперь оказалась в руках Вэнь-санъя. Стоило ему получить этот подарок, он буквально не выпускал её из рук: с того самого дня он всё читал и читал.

На самом деле и Вэнь-эрню, и Вэнь-санъя радовались подаркам не меньше, чем дети в любой другой деревне. Эрню каждый день щеголяла с большими цветами в волосах, даже спать порой ложилась, не снимая украшений. А Вэнь-санъя, едва у него появлялась свободная минута, садился с книгой. Но так как учился он в школе не слишком долго, хотя и умел читать, многие места понимал не до конца. Тогда он растирал тушь, разворачивал бумагу и записывал всё, что было непонятно.

Он помнил, что брат Юй говорил: возможно, уже следующей весной ему снова удастся вернуться в школу. Так что он решил: лучше записать вопросы заранее, чтобы потом задать их учителю и не терять времени зря. Теперь в доме хватало бумаги из тутовой коры, и Вэнь-санъя уже не берёг её так строго, как раньше.

Когда же он простудился, увлечшись, он как раз был на середине чтения. И даже почувствовав себя плохо, он всё равно упрямо продолжал читать, только бы скорее закончить книгу хотя бы один раз от начала до конца.

Несмотря на то, что Юй Шанчжи каждый день напоминал Вэнь-санъя, что ему важнее всего сейчас беречь здоровье, тот всё равно упрямо прятал книгу под подушкой. Стоило всем выйти из комнаты, как он тут же доставал её и украдкой читал хоть несколько страниц. Так продолжалось раз за разом, пока он окончательно не довёл болезнь до тяжёлого состояния.

Юй Шанчжи забрал у Вэнь-санъя книгу, но в душе всё равно чувствовал себя виноватым. Хотел ведь всего лишь порадовать ребёнка, а в итоге получилось, что радость обернулась бедой. Особенно беспокойно становилось на душе при мысли, что скоро у Вэнь-санъя день рождения. Если он проведёт его в таком состоянии, это совсем нехороший знак.

Поэтому уже в тот же вечер Юй Шанчжи обсудил с Вэнь Ецаем, что лучше поменяться местами: он будет спать в западной комнате вместе с Вэнь-санъя, чтобы легче было ухаживать за ним ночью, а Вэнь-эрню пусть ляжет рядом с Вэнь Ецаем. В их положении ничего предосудительного в этом не было.

В ту ночь Вэнь Ецай всё равно не мог уснуть спокойно. Накинув одежду поверх белья, он тихо вышел из комнаты, стараясь не шуметь.

По пути его заметили Даван и Эрван, но Вэнь Ецай быстро приложил палец к губам, показывая, чтобы не издавали ни звука, и прокрался к двери западной комнаты, приоткрыв её ровно настолько, чтобы видеть, что происходит внутри. В тусклом свете луны он увидел, что Юй Шанчжи так и не ложился спать: сидел, прислонившись к изголовью кровати, время от времени наклоняясь к Вэнь-санъя, проверяя его дыхание, массируя точки на теле для облегчения кашля.

Юй Шанчжи давно уже почувствовал, как дверь чуть приоткрылась, но не стал оборачиваться, он знал, что за ним наблюдает Вэнь Ецай.

Увидев, как его муж спокойно улыбнулся, сердце Вэнь Ецай сразу же стало легче. Эта болезнь у Вэнь-санъя явно была не такой, как раньше, но теперь, когда рядом с ними Юй Шанчжи, Вэнь Ецай знал точно: с ним всё будет в порядке.

В тот день, когда у Вэнь-санъя окончательно спала температура, Вэнь Ецай и Вэнь-эрню как раз ушли по делам, а Юй Шанчжи остался дома, принимая пациентов. Как раз проводив одного деревенского жителя, которого укусило ядовитое насекомое, он увидел, как во двор зашёл Фу Лао-сы, четвёртый сын семьи Фу, неся корзину с чем-то.

— Юй-ланчжун, занят? — спросил тот, поздоровавшись.

Юй Шанчжи отмахнулся:

— Нет, сейчас как раз никого нет. Лао-сы, что у тебя за дело? Как поживает бабушка?

Хотя он так спросил, на самом деле с первого взгляда уже понял, зачем тот пришёл. Речь шла о бабушке из семьи Фу, у которой давно были проблемы с сердцем. Эта бабушка Фу уже несколько раз приходила на приём к Юй Шанчжи, и после его лекарств в последние недели выглядела заметно бодрее. Только вот из-за того, что в доме бабушке запретили есть жирное мясо, она часто капризничала: то отказывалась пить лекарства, то не хотела есть вовсе. Иногда даже сидела прямо у ворот и жаловалась каждому проходящему, мол, дети и внуки не жалеют для неё даже куска мяса. В деревне все знали, в чём тут дело, но переубедить упрямую старушку было не так-то просто.

В итоге именно Юй Шанчжи придумал, как поступить: он научил семью Фу, как делать из зимней тыквы нечто похожее на жирное мясо.

— Это старинный способ из вегетарианской кухни, — объяснил он тогда. — Специально для тех, кто вроде бы принял обет не есть мясного и начитывает сутры, но в душе всё равно не может обойтись без плотной пищи. Нужно взять зимнюю тыкву, срезать с неё толстый пласт, в середине вырезать отверстие. В сковороде немного масла, чуть-чуть светлого соевого соуса для цвета, и обжарить до готовности. А в качестве начинки — грибы с плотной мякотью, нарезанные мелкими кубиками, смешать с тофу и яйцом, начинить этой смесью тыкву, замазать отверстие тестом, а потом поставить всё это на пар и довести до готовности. В конце полить соусом из сахара, соли и лёгкого соевого соуса.

Фу Лао-сы привёл с собой и жену, чтобы она тоже послушала. Но первым не выдержал сам: сглотнул слюну, услышав о таком блюде.

— Вот у богатых людей и еда такая хитрая, — покачал он головой, — из простой тыквы ещё и мясо сумеют сделать.

Юй Шанчжи с лёгкой улыбкой ответил:

— Тыква всё равно остаётся тыквой, мясо - мясом, но если не вдаваться в подробности, на вкус очень даже похоже.

Жена Фу Лао-сы слушала с интересом, прикидывая в уме: все ингредиенты вполне доступны, самое затратное тут разве что немного масла для обжарки тыквы. Но и это было не так уж страшно: масло в сковороде после зимней тыквы можно было использовать дальше, для следующих блюд.

— Благодарю вас, Юй-ланчжун, — с улыбкой сказал Фу Лао-сы. — Придём домой — сразу попробуем.

Так что, когда Юй Шанчжи сегодня увидел Фу Лао-сы на пороге, сразу догадался, что наверняка пришли с вестями про ту самую зимнюю тыкву. И действительно, Фу Лао-сы зашёл в дом, сияя от радости:

— Юй-ланчжун, ваш совет оказался просто золотым! У бабушки зрение уже не то, а тут в тыкву мы добавили побольше светлого соевого соуса, да ещё и жарили на мясном жиру. Ест, головы не поднимает, говорит, что прямо настоящее мясо. Теперь в доме наконец спокойно, если в следующий раз опять начнёт капризничать, просто снова приготовим ей такое же.

С этими словами он протянул корзинку:

— Вот тут свежие персики с нашего дерева, выбрали самые сладкие и хрустящие, пусть дети попробуют.

— Это как-то уж чересчур, — сразу возразил Юй Шанчжи, хотя понимал, что теперь в деревне почти каждый визит превращается в подобное перетягивание с угощениями и подарками. Честно говоря, от этого он уже начинал немного уставать.

А уж отказывать таким, как Фу Лао-сы, который по силе мог бы потягаться с быком, было особенно трудно. В итоге Юй Шанчжи всё-таки принял эти свежие персики. Когда Фу Лао-сы ушёл, он пересчитал: в корзине оказалось не меньше десяти штук. Подумав немного, Юй Шанчжи взял один хрустящий персик, вымыл его в чистой воде, порезал на аккуратные кусочки в кухне и сложил в чашку. После этого направился в западную комнату.

— Санъя, ты не спишь? — негромко позвал он, заходя.

Услышав голос, Вэнь-санъя перевернулся на бок и слабо откликнулся:

— Брат Юй...

Голос у него совсем осип, если не прислушиваться, и не разберёшь, что он говорит.

Юй Шанчжи быстро закрыл за собой дверь, но окно оставил слегка приоткрытым, чтобы в комнате циркулировал воздух и не было слишком душно.

— Говорил же, раз аппетита нет, заставлять не буду, — с улыбкой продолжил он. — Вот только Фу Лао-сы принёс корзинку свежих персиков, хочешь попробовать?

Вэнь-санъя с недавних пор почти не чувствовал вкуса, когда болезнь была в самом разгаре, и даже не ощущал, голоден он или нет. Но теперь, увидев перед собой нежно-розовые ломтики персика, неожиданно для себя ощутил лёгкое желание попробовать.

Увидев, как у Вэнь-санъя слегка дрогнул кадык, Юй Шанчжи придвинул к нему маленький столик с краю кровати, аккуратно помог ему сесть, подложив под спину подушку, и поставил перед ним чашку с нарезанным персиком и ложечку.

— Немного персика тебе точно не повредит, — мягко сказал он. — Я сам попробовал: вкус у него лёгкий, сладкий, но не приторный, не такой, чтобы кашель усилился.

— Спасибо, брат Юй, — хриплым голосом ответил Вэнь-санъя, осторожно взяв чашку и начав медленно есть кусочек за кусочком.

Прошло всего несколько минут, как снаружи залаяли две охотничьи собаки — это Вэнь Ецай с Вэнь-эрню вернулись домой. Юй Шанчжи вышел из комнаты и увидел, что оба несут в руках по небольшой курочке.

— Так вы и правда купили? — с улыбкой спросил он, удивившись.

Вэнь Ецай, глядя перья у курицы, весело сказал:

— Конечно! Деревня ведь большая, если поспрашивать, всегда найдётся кто-то, кто захочет продать.

Они давно уже говорили о том, что хорошо бы завести ещё пару кур-несушек, чтобы яиц хватало на всех в доме. В последние дни, когда у Вэнь Ецай появилось немного свободного времени, он специально прошёлся по деревне, чтобы узнать, у кого можно купить подходящих кур-несушек. За одну такую курицу просили несколько цяней серебра. Хотя держать кур дома ради яиц выгодно, всегда находятся семьи, которым срочно нужны наличные деньги, вот и продают.

— Этих двух пока будем держать отдельно, — распорядился Вэнь Ецай. — Пусть привыкнут, а потом подсадим к остальным. А к осени уже появятся осенние цыплята, тогда можно будет ещё штук десять сразу купить.

Вэнь-эрню подняла голову и с сияющими глазами спросила:

— Брат, а когда у нас будет столько кур и уток, можно будет всех мне поручить?

Вэнь Ецай взглянул на неё с лёгкой усмешкой:

— Всех тебе? Смотри-ка, какие у тебя аппетиты. Ладно, если действительно сможешь справляться сама, тогда всё, что получим с продажи лишних яиц, будет тебе на карманные расходы. Но если Санъя будет тебе помогать, не забудь потом поделиться с ним.

Вэнь-эрню радостно вскрикнула, крепче прижав к себе курицу, ведь это же будет её собственный заработок!

— Брат, ты самый лучший! Вот увидишь, я обязательно всех кур и уток выкормлю крепкими и

здоровыми, чтобы каждый день яйца несли!

Две новые курочки быстро устроились в курятнике на заднем дворе. Вэнь Ецай отряхнул с одежды прилипшие перья, а Юй Шанчжи стоял рядом, держа в руках тыквенный черпак с водой, помогая ему вымыть руки.

— Санья как себя чувствует? Температура не поднялась? Ел что-нибудь? — спросил Вэнь Ецай.

— Утром съел пару ложек лапши и больше не захотел, — ответил Юй Шанчжи, поливая ему ладони. — Потом Фу Лао-сы принёс персиков, я один порезал и отнёс ему. Не знаю, сколько он доел, но вроде аппетит появился.

После нескольких черпаков руки были чистыми, и Вэнь Ецай направился в дом проверить Вэнь-санъя. Когда он вышел, в руках у него уже была пустая чашка: в ней осталось всего несколько кусочков персика.

— Поел прилично, я ещё дал ему прополоскать рот, чтобы потом зубы не разболелись, — сказал Вэнь Ецай, сам взял один кусочек и попробовал. — Действительно, сладкий персик. У Фу семьи те два дерева уже не первый год плодоносят, каждый сезон фрукты хрустящие и сладкие.

В отличие от этого, в их собственном дворе было довольно пустынно.

— Раньше у нас во дворе тоже пытались сажать фруктовые деревья, — задумчиво сказал Вэнь Ецай, глядя на пустой двор, — но не прижились. Потом в деревне стали говорить, мол, если дерево не растёт, это дурной знак. Отец с матерью и вовсе больше сажать не решались.

Юй Шанчжи окинул взглядом пустое пространство: действительно, сажать фруктовые деревья - дело небыстрое, ведь от посадки до первого урожая проходит несколько лет.

Раз так, если деревьям в деревне не доверяют, можно попробовать что-то другое.

— Надо будет узнать, у кого есть виноград, и попросить черенок. Я раньше у себя дома ухаживал за виноградом, немного в этом понимаю.

Вэнь Ецай уже доел оставшиеся кусочки персика и собирался пойти помыть ещё пару штук, но, услышав это, обернулся:

— В деревне у нас виноград никто не сажает. Но в Шуймо я видел, как у кого-то виноградные подставки стоят. Надо будет узнать, можно ли у них взять лозу. А я-то думал, виноград только косточками разводят...

На горах тоже рос виноград, дикий, похожий на домашний, только ягоды мелкие да часто кислые. А если посадить виноград прямо во дворе, это было бы самое лучшее: и плоды будут, и летом под тенью от лозы посидеть можно.

— Виноградную лозу достаточно просто укоренить в землю, — спокойно объяснил Юй Шанчжи. — Лучше всего заниматься этим до праздника Цинмин, но сейчас уже поздновато. Ничего, можно будет подождать до осени. У нас зимой не так уж холодно, переживёт.

— Виноград? Какой виноград? Где виноград? — раздался голос Вэнь-эрню: она как раз проходила мимо, собираясь помыть руки, и, услышав разговор, тут же подошла поближе с любопытством в глазах.

— Винограда пока нет, но есть персики. Хочешь? — Вэнь Ецай с улыбкой протянул ей крупный розовый плод.

— Хочу! — радостно откликнулась Эрню, весело улыбаясь, и взяла у него персик. — Брат, отдохни, я сама помою!

Юй Шанчжи с лёгкой улыбкой напомнил ей:

— Смотри, хорошо промой с персика весь пушок, а то потом рот будет чесаться.

Видимо, именно этот свежий, сладкий персик и разбудил у Вэнь-санъя аппетит: к ужину он уже сам осилил целую чашку горячей рисовой каши с яйцом. В доме все наконец-то вздохнули с облегчением: если теперь продолжать ухаживать за Вэнь-санъя как следует, к дню рождения он точно успеет оправиться.

Когда эта забота немного отошла на второй план, Юй Шанчжи смог с лёгким сердцем собрать лекарственный ящик и отправиться в деревню Шуймо - проведать Тан Вэня с повторным осмотром. На этот раз он решил не брать с собой Вэнь Ецай. Всё-таки и телегу занимать лишний раз не хотелось, и отрывать супруга от работы было бы неправильно. Теперь, когда выездов за пределы деревни становилось всё больше, не годилось каждый раз ходить парой.

Вэнь Ецай тоже всё прекрасно понимал и не настаивал, чтобы непременно сопровождать Юй Шанчжи. В прошлый раз он специально настаивал поехать, потому что переживал: а вдруг старый лекарь У и мать Тан Вэня снова начнут плести пакости? Но на простую повторную проверку много времени уходить не должно было.

Юй Шанчжи, как и рассчитывал, вернулся меньше чем за два часа. В руках у него была связка свинины, кусок тофу, купленный у заезжего торговца, и ещё миска с соевым пудингом.

— Пудинг настояла отдать тётка Чжуаньцзы, — объяснил Юй Шанчжи, — говорит, мол, пустяк, пусть дети съедят.

Это была типичная для деревни формулировка, когда хотели сделать подарок без лишних церемоний: стоит сказать, что «для детей», и большинство семей примет угощение без лишних споров.

Юй Шанчжи уже давно заметил, что отношение тётки Чжуаньцзы к нему изменилось: видно, сколько ни говори, а лучше всего работают реальные дела.

— Раз уж взяли, — спокойно сказал Вэнь Ецай, — в следующий раз, когда я за тофу пойду, возьму с собой немного овощей, отдам в ответ. А пудинг из тофу вовремя попался, как раз можно сделать сладкий десерт с коричневым сахаром, попробовать самим.

Вчера Вэнь-эрню, Ху Ню и Кон Майя, втроём отправившись с удочками, поймали угря. Правда, Кон Майю Эрню буквально силой вытащила из дома, сказав, что брат Юй говорил: угорь особенно полезен для людей с ослабленным здоровьем.

— Она сказала, что хочет наловить угря для Санъя, — с улыбкой продолжил Вэнь Ецай, — а заодно уговорила Кон Майю тоже поймать пару штук для её отца.

Угрей и лягушек, как и гольцов, можно было легко держать в живом виде даже без воды какое-то время, так что их специально оставили до обеда, чтобы приготовить свежими.

За обедом Вэнь-эрню вспомнила про Кон И:

— Майя говорит, её отец теперь так старательно занимается: каждый день привязывает ложку к пальцам тряпкой и перекладывает камешки из одной миски в другую. Иногда Майя уже сама начинает нервничать, а он всё сидит спокойно и делает.

Юй Шанчжи, услышав о таком упорстве, уважительно кивнул:

— Завтра как раз нужно будет снова сделать ему иглоукалывание, заодно посмотрю, как у него продвигается тренировка.

Вэнь-эрню хихикнула:

— Майя ещё сказала, что её отец теперь боится тебя видеть. Говорит, как будто снова в школу попал, как тогда, когда учитель проверял задания.

Юй Шанчжи с лёгкой усмешкой покачал головой:

— Ну вы даёте, девчонки... Одна над отцом подшучивает, другая над братом.

Вэнь-эрню показала язык, но тут же снова опустила голову к чашке: налила себе и Вэнь-санъя по ложке тофу, залила рис бульоном и с аппетитом ела, не поднимая головы.

А Вэнь Ецай, в отличие от неё, сразу заметил, что после возвращения Юй Шанчжи выглядел немного угнетённым. Дождавшись, когда все доедят и начнут убирать со стола, он отвёл его в кухню и тихо спросил:

— Что-то ты с дороги как-то невесёлый. В доме у Тан что-то случилось?

Юй Шанчжи вздохнул негромко:

— Тан Вэнь всё тот же, болезнь давно запущена. Тут за день-два не поправить. Главное, что хуже не стало. Я ещё проверил те травы, что отправил У-ланчжун: качество хорошее, вес тоже соответствует, так что с лекарствами всё в порядке. Только вот...

Он опустил руки в деревянное ведро, сполоснул в нём чашку, протёр, поставил в сторону, и уже после этого сказал:

— Тан Вэнь с Ван Сяюем собираются пожениться. Уже в этом месяце.

У Вэнь Ецай от неожиданности глаза чуть не выскочили из орбит:

— Пожениться? В этом месяце? Так срочно?

Юй Шанчжи кивнул:

— Именно так. Мать Тан Вэня даже спрашивала у меня, сможет ли он хотя бы встать с кровати к тому дню. Пусть даже ничего другого делать не будет, но хотя бы церемонию пройти, поклоны отбить, чтобы как положено всё было. Без этого ведь люди будут судачить.

Вэнь Ецай скривился:

— Как и ожидалось, с какой стороны ни посмотри, в итоге крайний всё равно ты. И что ты им ответил?

Юй Шанчжи передал ему вымытую чашку, чтобы тот вытер её и убрал обратно в шкаф.

— Сказал, как есть. Всё зависит от состояния самого Тан Вэня: если сможет встать в тот день, значит, повезло, это его заслуга.

Он немного подумал и добавил:

— Но перед уходом я всё же напомнил матери Тан Вэня одну вещь: даже если у Ван Сяюя будет ребёнок, малыш родится с врождённой слабостью. Для неё это был тяжёлый удар, но если бы я промолчал, на одного несчастного в этом мире стало бы больше.

Всё же эта свадьба уже была делом решённым. И у Тан Вэня, и у Ван Сяюя не оставалось других путей: они были связаны друг с другом, и весь их брак насквозь пропитан страхом людских пересудов.

Тем временем дни шли, и вот уже наступил вечер накануне дня рождения Вэнь-санъя.

К тому времени он уже крепко спал, даже не подозревая, что оставшиеся трое домочадцев собрались в главной комнате, чтобы втайне от него обсудить подготовку к празднику. Юй Шанчжи с Вэнь Ецаем вполголоса перебирали варианты, пока Вэнь-эрню вдруг не выдержала и, впервые за вечер, перебила их:

— А по-моему, проще всего вы дайте подарок мне, я спрячу его в сундуке с одеждой. А завтра скажу Санъя, мол, ищу что-то, и попрошу его помочь - пусть сам найдёт. Вот и будет сюрприз!

Юй Шанчжи и Вэнь Ецай переглянулись и вынужденно признали: способ действительно простой и надёжный.

Увидев, что её идею одобрили, Эрню довольно поправила косички, а потом с любопытством спросила:

— Ну, показывайте скорее, что вы там для Санъя приготовили!

Она и сама уже догадалась, что с деньгами у Юй Шанчжи и Вэнь Ецай всё в порядке, значит, наверняка купили что-то в городе. Но когда увидела, что в коробке лежат бумажные тяжёлые пресс-папье для каллиграфии, чернила и кисти, у неё глаза округлились:

— Это ещё что такое?! Кому на день рождения дарят такие вещи?

По её мнению, уж если дарить, то какие-нибудь сладости, игрушки или хотя бы лакомства. Она-то уже успела прикинуть, как могла бы и сама полакомиться заодно!

— Ты ведь знаешь, какой у нас Санъя по характеру: если подаришь ему детские игрушки, он ещё недоволен будет.

Вэнь Ецай осторожно завернул тканевый узел с подарком обратно, а затем с любопытством посмотрел на Вэнь-эрню.

— А ты что приготовила для Санъя?

Вэнь-эрню бросила на него взгляд и самодовольно ответила:

— Ни за что не догадаешься!

Сказав это, она вынула из-за спины ещё один узел и положила его на стол, великодушно заявив:

— Разрешаю вам заглянуть заранее, только не удивляйтесь слишком сильно.

Юй Шанчжи сидел ближе всех, потому первым развязал узел. Оба мужчины увидели содержимое подарка - это оказалась сумка для учёбы в школе. Школьные сумки в ту эпоху скорее напоминали современные тканевые сумки через плечо, дорога до школы неблизкая, и носить книги в руках было неудобно.

— С каких это пор ты ее начала шить? Ведь ты и сама раньше не знала, что будем отмечать день рождения Санья.

Вэнь Ецай вертел сумку в руках, разглядывая со всех сторон с большим изумлением, а Юй Шанчжи между тем заметил, что в одном из уголков сумки вышита крохотная гроздь маленьких бутонов.

Вэнь-эрню вздёрнула подбородок и с нарочитым спокойствием произнесла:

— Разве не ты, брат Юй, тогда говорил, что Санья когда-нибудь снова пойдёт в школу? С тех пор я и начала шить. Взяла обрезки, что оставались от рукоделья, вот и сшила. В последние дни немного поднажала и наконец-то закончила. В общем-то, не так уж и сложно.

С этими словами она зевнула: видно было, что накануне засиделась допоздна. На поднятой руке отчётливо виднелись покрасневшие подушечки пальцев.

— Завтра вы только слушайте. Как хлопну в ладоши, тогда и входите.

Вэнь-эрню была совершенно довольна своим планом, прижала к груди узел с подарком и, крадучись, вернулась к себе в комнату.

Сменились луна и солнце, и вот наконец настало девятнадцатое число четвёртого месяца. С приходом лета дни становились длиннее. Едва рассвело, по деревне уже слышалось, как многие вышли в поле с заступами и мотыгами. Солнце быстро поднималось, и когда начинало припекать нестерпимо, лучше было к тому времени уже закончить работу и вернуться домой, поесть и передохнуть в полуденную жару.

Но ни Юй Шанчжи, ни Вэнь Ецай к тем, кто шёл в поле, не относились. Проснувшись, они

вместе принялись хлопотать у печи. По обычаю, в день рождения с утра нужно есть лапшу долголетия: цельную длинную лапшу, вытянутую из одного куска теста, чтобы в процессе не порвалась.

Вэнь Ецай с самого утра уже вымесил тесто, а Юй Шанчжи вызвался помочь с замесом. Но сколько бы он ни мня, тесто в миске так и не собиралось в ком, а вот на его пальцах уже налипло изрядно липкой мучной жижи. Вэнь Ецай, вздохнув, без слов отобрал у него дело, а самого Юй Шанчжи отправил варить лекарство для Вэня-саня.

Пока сам уверенно и ловко месил тесто, он невозмутимо сказал:

— Удивительное дело, ты за что ни возьмись, у тебя все получается, а вот как только дело доходит до кухни, так сразу будто с глазами беда.

Юй Шанчжи, надо сказать, с тех пор как восстановилось зрение, и вправду немало старался: и у Вэнь Ецай учился, и у Вэнь-эрню. Даже когда Вэнь Ецай ворчал, мол, порядочный мужчина, если не повар, не должен вокруг печи вертеться, мол, несолидно это, Юй Шанчжи всё равно настаивал на своём.

— Кто там что думает, мне абсолютно неважно, — спокойно ответил он. — А я считаю: не важно, мужчина ты, женщина или гер, если живёшь в одном доме, значит и хлопоты домашние надо делить поровну.

Раз так, Вэнь Ецай больше и не мешал Юй Шанчжи заходить на кухню. Но сколько бы тот ни старался, всё, чего он достиг за это время - умел сварить кашу да разогреть маньтоу, а стоило взяться за лапшу, как она тут же превращалась в комковатую, несуразную массу.

— Ничего, — сказал Юй Шанчжи с лёгкой улыбкой. — Я ещё потренируюсь. Рано или поздно обязательно научусь.

Лишь бы было желание, этого уже достаточно. Вэнь Ецай прикусил губу и едва заметно улыбнулся, украдкой радуясь в душе.

Тесто для лапши после вымешивания нужно было оставить полежать, только тогда оно станет эластичным, и лапша получится упругой. Кипящий отвар уже стоял на глиняной печке, не требуя больше присмотра, а Юй Шанчжи, чтобы не сидеть без дела, отправился на задний двор: нарвал пучок свежей зелени и несколько томатов - всё это пойдёт в лапшу к празднику.

Жаль только, что сейчас ещё не сезон редьки. А то он бы с удовольствием вырезал на тонких ломтиках несколько иероглифов и украсил ими лапшичную похлёбку. Но, прикинув в уме, он вспомнил, что день рождения Вэня Ецай приходится на девятый месяц, к тому времени редька уже поспеет. Значит, этот маленький сюрприз лучше приберечь для супруга.

Вскоре тесто было готово, и Вэнь Ецай с особой тщательностью начал раскатывать из него одну-единственную, длинную-длинную лапшину, стараясь не оборвать ни в одном месте.

Кроме того, от теста ещё осталось немного. Раз уж лапша шла для Вэнь-санъя, то для них троих можно было налепить клецек из обрывков теста. Брось их в кипящую воду и готово, а овощная заправка у всех будет одна, проще некуда.

А вот праздничный ужин, конечно, приберегли до вечера, как положено.

Когда оставалось лишь закинуть лапшу в воду, из западной комнаты донеслись звуки, стало ясно, что двое детей проснулись. Юй Шанчжи и Вэнь Ецай тихо подошли к двери, не говоря ни слова, и прислушались, пытаясь понять, удался ли хитрый план Вэнь-эрню. Всё-таки её смекалка едва ли могла сравниться с находчивостью младшего брата.

Но уже через мгновение из комнаты раздался вскрик Вэнь-санъя, в котором было ясно слышно изумление. Вслед за этим Вэнь-эрню торопливо хлопнула в ладоши три раза — это был условленный ещё накануне сигнал.

Юй Шанчжи и Вэнь Ецай тут же распахнули дверь и вошли в комнату. Все трое, как и договаривались, хором произнесли долгожданное и на много лет запоздавшее поздравление:

— Санья, с днём рождения!

<http://bllate.org/book/13600/1205964>